

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Факультет журналистики

Кафедра зарубежной журналистики и литературы

Курсовая работа на тему:

Проблема культурной интеграции в литературе чикано (на примере романа Рудольфо Анайи «Благослови, Ультима»)

Выполнила студентка 3 курса д/о 306 гр.

Макарова М. А.

Научный руководитель:

кн. ф. н. Михайлова Л. Г.

Москва 2018

Оглавление

Введение.....	стр. 3
Глава 1. Происхождение чикано как этноса. История трансформации Юго-Запада США. Синхронный и диахронный подход к проблеме национального самосознания чикано.....	стр. 4
Глава 2. Рудольфо Анайя и его роман «Благослови, Ультима». Тематический дискурс и проблемы самоидентификации чикано. Мифологическое мироощущение как элемент творчества.....	стр. 8
Глава 3. Глобализация. Трансформация культуры. Понятие «трансграничности». Проекция творчества Анайи на современность.....	стр. 21
Заключение.....	стр. 26
Список использованной литературы и электронных ресурсов.....	стр. 28

Введение

Культурная жизнь народа в условиях пограничья представляет в эпоху глобализации особый интерес. **Цель** данной работы – проследить развитие мексикано-американской культуры (чикано), выявить особенности ее дуалистичной природы и, опираясь на причинно-следственные связи, сформулировать основные проблемы культурной интеграции чикано в наши дни.

Основные задачи исследования заключаются в анализе мексикано-американской литературы, отражающей внутренние и внешние процессы трансформации культуры чикано, специфику мироощущения народа и особенности его самосознания. Таким образом, **объектом** исследования мы можем считать способы культурной интеграции мексикано-американцев (чикано), отражающие глобальные тенденции этого процесса и его специфику в конкретном регионе.

Предметом нашего исследования станет роман ведущего мексикано-американского писателя Рудольфо Анайи «Благослови, Ультима!», в котором наиболее полно отражен проблемный дискурс современного мексикано-американца (чикано).

Глава 1

Происхождение чикано как этноса. История трансформации Юго-Запада США. Синхронный и диахронный подход к проблеме национального самосознания чикано.

*«I stand poised at the center of power, the knowing of myself, the heart and soul of the New World man alive in me».*¹

Мексикано-американцы, или чикано (самоназвание произошло от слов мечикано, мехино²) сегодня представляют собой наибольшее по численности этническое меньшинство США. Их численность по данным Бюро переписи определялась как 31,7 млн. чел на 2009 г. или как 12,5% населения США и была сильно занижена³. По прогнозу министерства внутренней политики США к 2050 году она в совокупности с другими латино-группами увеличится приблизительно до 25%⁴. Из всего этого следует, что культурный облик современных территорий Юго-Запада США уже на протяжении многих лет был подвержен процессам интенсивной миграции и является сегодня местом непрерывного соприкосновения культур.

Мексикано-американцы существенно влияют на культурный облик американского юга. Среди населения распространены диалекты – спанглиш (смесь английского и испанского языков) и некоторые индейские наречия, восходящие к мексиканскому праязыку нуаталю.

В истории развития чикано как этноса для нас важен 1848 год, когда огромная часть территорий Мексики в результате мексикано-американской

¹ «Я нахожусь в центре силы, осознавая себя, сердце и душу человека Нового мира, живущего во мне». – Anaya Rudolfo. *The New World Man. The Anaya Reader*. N.Y.: Warner books, 1995.

² Ващенко А. В. Мексикано-американская (чикано) этническая литература на пути к трансграничью // *Language. Philology. Culture*. 2-3, 2013. – с. 71.

³ Дзибель Г. В. Мексиканоамериканцы. Большая Российская Энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2202098> дата обращения: 22.04.18

⁴ Сокольских Н. Н. Американизация Юго-Запада США и культурная ассимиляция мексиканского населения как следствие мирного договора Гвадалупе-Идальго // *Вестник Вятского государственного университета. Лингвистика*, 2009. - с. 84.

войны отошла к США, включая в себя земли пяти штатов: Нью-Мексико, Техаса, Колорадо, Аризоны и Калифорнии⁵. Эти события повлекли за собой новые интенсивные процессы: налаживание межкультурных связей, взаимопроникновение обычаев, традиций, верований, что и стало толчком к формированию нового сознания у мексиканцев, оторванных от родной испаноязычной культуры, но сознательно оставшихся на своей земле и принявших новое гражданство («американские власти дали мексиканцам один год на то, чтобы определиться с выбором: покинуть юго-запад, сохраняя мексиканское гражданство, либо стать полноправными гражданами США. Многие выбрали второе и решились не покидать свои земли»⁶). Первых мексикано-американцев поджидали определенные трудности (например, «политика американских властей привела к тому, что в течение одного поколения мексикано-американцы, находившиеся под мнимой защитой американского закона, превратились в лишенное избирательных прав и угнетенное меньшинство»⁷), и тем не менее именно с этого момента (присоединения исконно мексиканских земель к США) мы можем говорить о формальном обособлении чикано.

Однако необходимо учитывать, что культурные различия между севером и югом Мексики начали складываться ещё в XVI в., что сделало социокультурное обособление Мексики не стихийным, а вполне закономерным процессом, в котором «отдаленность от центра страны со временем оформилась в настоящую изоляцию пограничной северной периферии»⁸. В этом контексте справедливым кажется мнение мексикано-американского историка и антрополога Д. Гутьереса, который указывал на

⁵ Воронченко Т. В. Синтез культур в историческом развитии Юго-Запада США (на материале мексикано-американской литературы) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. №4 (24), 2010. – с. 118.

⁶ Сокольских Н. Н. Американизация Юго-Запада США и культурная ассимиляция мексиканского населения как следствие мирного договора Гвадалупе-Идальго // Вестник Вятского государственного университета. Лингвистика, 2009. - с. 85.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

влияние больших расстояний внутри страны и отмечал в своей книге «Миграция», что северные мексиканцы оказались «вне процессов национальной интеграции, государственного строительства, происходящих в центральной Мексике»⁹.

Генеалогия чикано отражает практически всю историю завоеваний и освоения Юго-Запада США. Итак, предком современно чикано мы будем называть метиса, рожденного от испанского отца (конкистадора) и ацтекской матери. Генетическое смешение (кровь коренных индейских народов, испанских колонистов и, впоследствии, представителей мексиканской и новой американской нации) позволило чикано выделиться в особый, культурно обособленный этнос, проблемы самоидентификации которого впоследствии нашли выражение в разных видах искусства, в том числе и в литературе.

Примечательно, что испанские конкистадоры были первыми из европейцев, начавшими освоение американских земель. Нам известны имена испанцев-первопроходцев и тот факт, что первая столица Нью-Мексико – Сан Хуан де Кабальерос – была основана в 1598 г., на девять лет раньше Джеймстауна, старейшего в Новом свете поселения англичан. Это действительно подтверждает, что «факт присутствия испанцев на континенте до прибытия англичан на восточное побережье Северной Америки не может не рождать у американцев чувства, что мексиканцы более близки к истокам древних цивилизаций доколумбовой Америки, теснее связаны с историческим прошлым»¹⁰.

В середине XIX в. на завоеванные территории большое влияние начинает оказывать непосредственно американская культура англо-саксонского образца, доминирующая на континенте, с ярко-выраженным массовым началом. Тем не менее, встреча культур не ведет ни к слиянию,

⁹ Там же.

¹⁰ Воронченко Т. В. Синтез культур в историческом развитии Юго-Запада США (на материале мексикано-американской литературы) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. №4 (24), 2010. – с. 119.

ни к поглощению. Мексикано-американцы не стремятся отказаться от своего прошлого, напротив, культура чикано тяготеет к проявлению своей исключительности, тем более что в период американской экспансии «значительная часть колонистов-янки высказывает открытое презрение к «метисной» мексиканской культуре и ее носителям. Усилению этих настроений способствует приток с северо-востока поселенцев нового типа, открыто декларирующих идеи «американизма» (...) Едва начавшийся процесс культурного синтеза приостанавливается, точнее уходит в глубину, его сменяет внешняя конфронтация мексиканской (доминирующей) и американской культурных традиций».¹¹ С этого времени мексикано-американцы особенно остро начинают ощущать свою обособленность, что, как чаще всего бывает в подобном случае, заставляет народ обращаться к собственным истокам, фольклору. В литературе это проявляется в мифологизации реальности, подчеркнутой связи поколений и времен через древние индейские предания, которые переплетаются с более поздней, «наносной», но прочно укоренившейся религией католиков-испанцев, сообщая ей языческие черты (поклонение Деве Марии Гвадалупской и страх перед неприкаянным духом плакальщицы – Ла Йороны и т.д.)

Согласимся с мнением исследователей, видящих «эстетическое новаторство писателей-чикано главным образом в том, что те обращаются к мифологическому мышлению, донесенному коллективной памятью до наших дней»¹² и с тем, что для национальных литератур миф зачастую становится не просто категорией творческого осмысления, но и формирует когнитивную основу национальной самобытности.

Таким образом мы подходим к тому, что углубленное изучение литературы чикано призвано ответить на основные вопросы, касающиеся актуальных этнических и социокультурных проблем Юго-Запада США.

¹¹ Воронченко Т. В. Синтез культур в историческом развитии Юго-Запада США (на материале мексикано-американской литературы) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. №4 (24), 2010. – с. 120.

¹² Там же.

Феномен чикано не единственный в мире пример развития литературы «пограничья». В данной работе мы возьмем за основу творчество, пожалуй, крупнейшего представителя мексикано-американской литературы – Рудольфо Анайи, который воплощает в своих героях собирательные черты типичного представителя чикано (его быт, привычки, мировосприятие и самосознание) и раскрывает интересующую нас проблему через яркие и многосторонние художественные образы.

Глава 2

Рудольфо Анайя и его роман «Благослови, Ультима».

Тематический дискурс и проблемы самоидентификации чикано.

Мифологическое мироощущение как элемент творчества.

«Когда я продам свою землю, я поплыву по течению жизни. У меня не останется места, куда я смогу вернуться, не останется дома. Без земли человек ничего не значит, потому как теряет связь с предками. Старые обычаи теперь никому не нужны, они похожи на бездомных кочевников...»¹³

В предыдущей главе мы сформулировали важную для проблемы нашего исследования особенность чикано – их бикультурность и билингвичность (то, что профессор Мадридского университета Ф. Ортего определяет как бинарный феномен), то есть «если обращение к “корням” связывает литературу чикано с мексиканским опытом, то история жизни “к северу от Рио-Грандэ”¹⁴ – с американским»¹⁵. Специфика этого промежуточного положения позволяет нам сегодня рассматривать литературу чикано и как часть всего корпуса американской словесности, и как часть латиноамериканского художественного мира (с общими тенденциями и художественными методами), и в то же время как самостоятельную, во

¹³ Ramirez Pablo. Aztlan and the Politics of Storytelling in Anaya's Heart of Aztlan and Arias's The Road to Tamazunchale // Journal of American Study of Turkey /Ed. Maria Herrera-Sobek. Ege University Printing House. Izmir, 2006. № 51.

¹⁴ По этой реке проходит граница между Мексикой и США. В Мексике река носит название Рио-Браво, полное наименование - Рио-Браво-дель-Норте.

¹⁵ Воронченко Т. В. Синтез культур в историческом развитии Юго-Запада США (на материале мексикано-американской литературы) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. №4 (24), 2010. – с. 121.

многим уникальную литературу.

В контексте этой работы для нас особенно важна фигура мексикано-американского писателя Рудольфо Анайя. Профессор Московского университета и основоположник исследования литературы чикано в нашей стране Александр Ващенко справедливо ставит его в один ряд с другими «отцами» национальных литератур: «Подобно Н. Скотту Момадею для индейской литературы, Рудольфо А. Анайя (р. в 1934) в качестве основоположника развил все основные темы эволюции литературы и культуры чикано. Для его творческих исканий характерна особая многожанровость, естественность, глубина и оптимистическое жизнелюбие»¹⁶. Ключевым, или «неповторимым событием этапного значения» для всей мексикано-американской литературы Ващенко называет появление романа Анайя «Благослови, Ультима!»(1972)¹⁷.

Не лишним будет посвятить несколько слов личности самого автора, что позволит лучше понять и ряд особенностей его героев. Рудольфо Анайя был сыном ковбоя (исп. – vaquero) и рос в городе Санта-Роза, штат Нью-Мексико. Уже эта параллель позволяет нам говорить о некоторой биографичности произведений, в которых постоянно возникают образы вакерос, их семей, а также прослеживается мотив болезненной утраты – постепенного ослабления связи с землей, на которой они выросли (ср.: отец главного героя в романе «Благослови, Ультима!» тоже бывший ковбой с льяно, оказавшийся вне своей профессии, вне родных равнин и страдающий от осознания этого). В юности Рудольфо Анайя и сам пережил смену места жительства: в 1954 году его семья переехала в город Альбукерке, где Анайя поступил в школу менеджеров, учебу в которой, однако, так и не завершил. Известно, что в 16 лет Рудольфо Анайя в результате несчастного случая, который произошел с ним в бассейне, был

16 Ващенко А. В. Мексикано-американская (чикано) этническая литература на пути к трансграничью // Language. Philology. Culture. 2-3, 2013. – с. 73.

17 Анайя Р. Благослови, Ультима!: Роман: Пер. с англ. М.: Гудьял-Пресс, 2000. 320 с.

частично парализован – этому недугу впоследствии был посвящен его роман «Tortuga» (Черепаша), где главный герой на какое-то время тоже становится калекой. В дальнейшем Анайя учился в университете Нью-Мексико, занимался педагогической практикой (преподавал английский язык, отсюда возможен его интерес к образу учителя, шире: интерес к образу духовного наставника – ср.: первые школьные преподавательницы Антонио и сама Ультима, но уже как «неформальный» педагог, т.е. учитель жизни, мудрый наставник и т.д.).

Таким образом, вся жизнь писателя (мексикано-американца, обладающего, несомненно, большим творческим талантом и естественным стремлением к самопознанию и самоидентификации) подвергается осмыслению, типизации в литературных произведениях. Анайя – это тот автор, который не дистанцируется от своих героев, а напротив, входит в каждого из них, чтобы перенести свои искания из мира реального в мир художественный. Так рождается его творческий метод, а в глобальном смысле – начинается тотальное освоение культуры чикано в литературных формах.

Возвращаясь непосредственно к творчеству, мы постараемся упростить понимание контекста дальнейшего исследования и в продолжение главы поведем сквозное описание сюжета романа «Благослови, Ультима!», чтобы на конкретных эпизодах сформулировать основные темы и идеи книги.

Повествование ведется от лица мальчика по имени Антонио, с самых первых строк романа мы узнаем: *«мне было семь в то лето, когда Ультима к нам приехала. Она явилась, и впервые моим глазам открылась красота льяно, и я услышал, как журчанье нашей реки вторит поскрипыванию Земли вокруг своей оси...»*¹⁸. Дальнейший сюжет будет строиться вокруг двух главных фигур: юного Антонио, который только начинает постигать тайну мира и старой целительницы Ультимы, которая жила на свете еще

¹⁸ Анайя Р. С. 5

задолго до того, как на свет появились родители мальчика и теперь переехала к ним в дом, чтобы стать надежным другом и духовным спутником мальчика-чикано. События романа охватывают около трех лет жизни героя: лето перед первым классом, учебный год, второе лето, еще один год школы и, наконец, роковое третье лето, на исходе которого погибает Ультима.

Еще будучи дошкольником, Тони узнает, что такое смерть: он увидел, как на реке около его дома разгневанные поселенцы убили Лупито. Этот человек и сам совершил преступление – застрелил городского шерифа. Люди знали, что он был не в себе после возвращения с японской войны, но не проявили милосердия, кровная месть свершилась. После жуткой сцены ночной расправы душу мальчика впервые захлестнули неведомые прежде ощущения: он хотел молиться за душу убитого, он не знал нужных слов, он прочитал, как умел, заупокойную молитву над его телом, только он один оплакивал гибель не убийцы, но человека. *«Душу Лупито мог бы спасти священник. Ну от чего моя мать так жаждет, чтобы я стал священником? Разве я когда-нибудь смогу смыть кровь, покрывшую воды моей любимой реки!»*¹⁹, - вопросы истинной веры, божественной справедливости и поиска своего места в мире отныне будут скользить через всю ткань романа, но мы вернемся к их интерпретации чуть позже, а пока постараемся проследить хронологию жизни героя.

Антонио много времени проводит с Ультимой, гуляет с ней по долине в поисках целебных трав, а старая целительница отгоняет все его страхи своей тихой заботой (*«И я был счастлив рядом с Ультимой ... Она поверяла мне названия растений и цветов, деревьев и кустарников ... Но самое главное – я научился у Ультимы понимать, что такое красота дня и красота ночи, наслаждаться покоем реки и здешних холмов. Ультима учила меня вслушиваться в таинственный рокот земли и ощущать*

¹⁹ Анайя Р. С. 32

полноту завершений земных сроков. Моя душа училась жить под заботливым оком Ультимы»²⁰). Уже в школе Антонио проявляет себя как очень способный ученик (его даже переводят через один класс), что не может не радовать его мать, мечтающую о том, что сын станет ученым человеком, священником, как основатель ее рода.

Здесь важно отметить, какое значение в романе автор придает вопросу исторической и генетической памяти народа. В семье Антонио шестеро детей, три старших брата, две сестры, и он сам, самый младший ребенок. Его отец носит фамилию *Марес*, в прошлом он был вольным вакеро, его род восходит к испанским конкистадорам – покорителем морей (отсюда и символизм фамилии²¹). Мать героя происходит из другого рода – *Луна*²², семьи потомственных фермеров, много лет возделывавших землю, на которую их когда-то привел священник – основатель рода и до сих пор единственный служитель бога в истории семьи. Вдобавок она очень религиозная женщина, ее слова в романе практически всегда сопровождаются краткими молитвенными возгласами («*Аве Мария Пурусима!*»²³ и т.п.).

Маленький Антонио интуитивно ощущает это кровное противостояние в своей душе. Обостренную чувствительность ко всему, что происходит во внешнем мире и особенно в мире внутреннем автор подчеркивает через необычные сны героя. В одном из снов мальчик видит, как предки спорят о его предназначении:

- *Пора возвращаться в долину, - говорит старик, который привел фермеров. – Надо взять с собой кровь, что истекла при рождении. Зароем ее в землю наших полей, чтоб стала она плодородней и чтоб мальчик пошел*

20 С. 21

21 «Марес» с испанского означает «морской».

22 Луна здесь тоже выступает символом и отсылает читателя к земледельческой культуре: фазы луны определяли хозяйственный цикл, а значит и весь уклад фермерской жизни.

23 Святая Дева Мария!

по нашим стопам...

- Нет, протестую вاکерос, он останется здесь! Надо сжечь послед, и пусть ветром льяно развеет этот пепел во все стороны.

...

- Он не Луна, он Марес, - кричат вاکерос. – Его предки были конкистадоры, непокорные, как исхоженные ими моря, и вольные, как та земля, на которой они воевали...

Но тут в спор вмешивается третья сторона, и Антонио слышит голос Ультимы в своем сне:

- Прекратите, – кричит она. И все умолкают. – Я помогла этому младенцу явиться на свет Божий, и я зарю послед и пуповину, что некогда связывала его с вечностью. И только мне будет известно его будущее.²⁴

Сны героя далеко не единственный прием автора, позволяющий расширить и трансформировать реальность. Линейное повествование обогащается ретроспекциями, в которых разворачивается прошлое рода и за счет которых подчеркивается непрерывность жизни и ментальная связь поколений. Таким образом, в сознании героя, а следом и читателя, сквозные образы предков достигают мифологического уровня: отец – Солнце и Мать – богиня Луны; здесь мексикано-испанское начало сливается с древними верованиями индейцев.²⁵ Александр Ващенко в своей статье так же указывает на то, что мифологические структуры, лежащие в основании романа, сильно углубляют смысловую многослойность. Именно поэтому нам будет важно изучить, по каким законам строится мифологическое пространство романа.

Принимая во внимание близость Рудольфо Анайи к идеям латиноамериканского магического реализма (ср.: романы Г. Гарсиа Маркеса), мы будем опираться на точку зрения еще одного исследователя

²⁴ Анайя Р. С. 11

²⁵ Ващенко А. В. Мексикано-американская (чикано) этническая литература на пути к трансграничью // Language. Philology. Culture. 2-3, 2013. – с. 74.

мексикано-американской литературы С. В. Плотникова, который посвятил свою статью рассмотрению мифологического ощущения в творчестве Рудольфо Анайи. Опираясь на концепцию мифа М. Е. Мелетинского, автора книги «Поэтика и миф» и фундаментальные исследования К. Леви-Стросса, создателя структурной антропологии и автора четырехтомника «Мифологические», Плотников перечисляет характерные признаки мифологического сознания «классического типа»²⁶:

- **«Универсальность существования человека в мире, которая проявляется в том, что человек не выделяет себя из природы, относится не к миру как к объекту познания и преобразования, а к самому себе как к субъекту этого познания, и стремится к преимущественно магическим, чувственным формам взаимодействия с миром и его процессами»²⁷.**

В романе эта идея развивается за счет взгляда на мир глазами мальчика-чикано, который с особой восприимчивостью реагирует на внешние события. Ультима – образ «медиатор», она не раз является к мальчику в его магических снах, чтобы смягчить боль утрат и научить героя воспринимать себя как часть чего-то большего. Вот как Ультима разрешает «кровные» споры, в которых так долго упорствовали образы отца и матери в снах мальчика: *«Вам обоим известно, что сладостные лунные воды ниспадают дождем, и это та вода, что наполняет реки, несущиеся к морю. Без вод луны, пополняющей моря, не было бы морей на свете ... Если б не солнце, не возникла бы та влага, которая способна утолить жажду плодородной земли ... Я заглядываю в ясные, чистые глаза Ультимы и познаю истину, о которой она говорила: “Ты видел все отдельно, но не смотрел дальше и*

²⁶ Плотников С. В. Мифологическое мироощущение как сфера создания культурного объекта (тетралогия о Сонни Бака Р. А. Анайи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. – с. 178 -182.

²⁷ Плотников С. В. Мифологическое мироощущение как сфера создания культурного объекта (тетралогия о Сонни Бака Р. А. Анайи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. – с. 179.

шире, чтобы объять огромный круг, связывающий все воедино” ...»²⁸

- «Холистичность²⁹³⁰ и синкретичность ... Бытие практически не дифференцируется на функциональные и структурные сегменты, на прошлое, настоящее и будущее ... Сакральное и мирское в значительной степени смешаны»³¹.

Этот признак четко прослеживается в том, как Анайя развивает религиозную проблематику в романе. Антонио всерьез задается вопросом о существовании бога христианского, но ни разу не сомневается во власти могучих сил природы. И если христианский бог в сознании мальчика все дальше и дальше отходит от понятия справедливости (герой переживает не только смерть Лупито, но и своего друга Флоренса, самопожертвование и гибель Нарсисо (старого друга отца, который хотел защитить семью Антонио и Ультиму) и гибель самой Ультимы), то древнее языческое божество в образе золотого карпа постепенно заступает на его место.

С образом золотого карпа в романе связывается старинная индейская легенда. Антонио узнает её от своего ровесника, мальчика по имени Чико, который живет по соседству. В случайном разговоре во время рыбалки Антонио вдруг обнаруживает, что не только Ультима понимает его особое мироощущение, разделяет его и Чико. Вот один из фрагментов их диалога:

... - Необычные они, те озера, вроде бы там духи живут. Имеют над человеком непонятную власть, точно следят за ним везде...

- Это как **присутствие** реки? – еле слышно спросил я.

28 С. 144-145

29 Холистический [< англ. holism < гр. holos - целый] - филос. относящийся к философской концепции, гласящий, что суждения о недоступных наблюдению сложных социальных явлениях не поддаются сведению их к оценкам поведения индивидов и их групп, т. е. закономерность общественных явлений нельзя выводить из закономерностей их составных частей.

30 Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов, 2006. [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/16474 дата обращения 24.04.18

31 Плотников С. В. Мифологическое мироощущение как сфера создания культурного объекта (тетралогия о Сонни Бака Р. А. Анайи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. – с. 179.

Чико взглянул на меня, кивнул.

- Выходит, ты знаешь...

- Знаю.³²

В тот день герой не только видит собственными глазами великолепного золотого карпа, от которого исходит какое-то интуитивно улавливаемое спокойствие и тепло, но и узнает страшное пророчество, которое замещает его представления о страшном суде и расплате за человеческие грехи.

- Целый город – под воду? – изумленным шепотом произнес я.

- Ну да, целый город. Золотой карп предупредил нас о том, что земля может не выдержать тяжести грехов и в конце концов уйдет под воду!³³

Возвращаясь к теоретическому осмыслению проблемы – восприятие мира мальчиком-чикано –, мы можем утверждать, что в романе сакральное (трепетное отношение героя к вере как к созидательной силе, жажда первого христианского причастия наряду с желанием снова взглянуть на золотого карпа и ощутить его светлую и животворящую силу) действительно выражает себя в единстве противоречий и нерасчлененной целостности мироощущения. Тем не менее Рудольфо Анайя не скрывает и глубины противоречий, возникающих в процессе духовного становления героя:

- Раньше я думал, что в Бога верят все, - сказал я.

- Богов много, - тихо сказал Чико. – Есть боги красоты и волшебства, боги садов и огородов, свой бог есть даже в нашем дворе, но нас тянет в разные дальние страны искать новых богов; ради того, чтоб их найти, мы взлетаем под небеса...

- А почему не рассказать другим про золотого карпа? – спросил я.

- Люди погубят его, - тихо сказал Чико. Бог этой церкви существо завистливое, не терпит иных богов рядом с собой. Нашлет своих служителей, они и убьют золотого карпа...

³² Анайя Р. С. 138

³³ С. 141

- Ну а если я стану священником, как хочет моя мать?..

- Придется тебе выбирать, Тони, - сказал Чико. – Придется выбирать между Богом церкви и вот этой красотой, которую ты видишь здесь и сейчас...³⁴

Среди признаков мифологического сознания для нас важен еще один аспект, также получивший художественное воплощение в романе.

- **«Цикличность восприятия времени и динамичность восприятия пространственного мира, которые проявляются как отсутствие представлений о линейном времени, что является основанием для идей вечности ... в целом космогоническое восприятие доминирует над космологическим»³⁵.**

Ультима возникает в романе не только как символ синкретичной, тяготеющей к единству противоречий культуры мексикано-американского пограничья, но и как жизнеутверждающая, неподвластная времени сила, способная преодолеть и забвение, и смерть (вопросы, волнующие любой этнос на пути самоидентификации в истории). В романах Анайи образ духовного наставника часто связан с мотивом «вечного» времени. Мы не знаем сколько Ультиме лет, не знаем ничего о ее личной судьбе, но каждое ее действие воспринимается нами как служение во имя добра. Для Анайи важно, что именно мироощущение героя-медиатора «является эталоном, в соответствии с которым автор выстраивает интенции своего произведения»³⁶.

Время в романе действительно не течет линейно, через свои сны-пророчества, сны-прозрения и сны-волнения души юная душа Антонио

³⁴ Анайя Р. С. 285

³⁵ Плотников С. В. Мифологическое мироощущение как сфера создания культурного объекта (тетралогия о Сонни Бака Р. А. Анайи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. – с. 179.

³⁶ Плотников С. В. Мифологическое мироощущение как сфера создания культурного объекта (тетралогия о Сонни Бака Р. А. Анайи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007. – с. 179.

способна путешествовать во вневременном пространстве, таким образом время реальное получает возможность трансформироваться в мифологическое, изначальное время.

Еще одной архетипической чертой мифологического сознания является не различие добра и зла как полных противоположностей.

На эту же особенность указывает автор межфакультетского курса «Герменевтика мифа» профессор МГУ Егор Фалев, говоря о том, что для мифа практически не знакомы понятия абсолютного зла или абсолютного добра, подчеркивает их амбивалентную природу. Однако именно в этом аспекте мы наблюдаем расхождение с теорией классической «мифологичности» у Анайи, чья «модель противоборства добра и зла ... в большей степени тяготеет к типу религиозного сознания с его учениями о начале добра и зла»³⁷.

В его романе мы четко прослеживаем полярность в изображении положительных и отрицательных героев. Так, образом «чистого зла» в книге выступает семья Тенорио Трементина, а «абсолютного добра» - Ультима. Завязкой конфликта становится исцеление Ультимой одного из братьев матери. Когда день ото дня молодой мужчина угасал на глазах у всей семьи и ни один врач не мог ему помочь, семья приняла решение обратиться за помощью к Ультиме как к могущественной целительнице. Оказалось, что на дядю Лукаса наслали порчу три дочери Тенорио, о которых в деревне ходила дурная слава как о ведьмах, творящих в лесу свои грязные, богомерзкие дела. Темные чары оказались правдой, Антонио помогал Ультиме в ее трудах и буквально чрез себя пропустил страдания дяди, приняв непосредственное участие в таинстве исцеления. Этот эпизод в книге снабжен пророческими подсказками, но только в финале мы узнаем, что Ультима знала о своей судьбе уже в тот момент, когда бросила вызов силам зла, но иначе она не могла – в этом творческий посыл Анайи в

³⁷ Там же. – с. 181.

романе, утверждающий необходимость борьбы с мировым злом ради торжества добра и любви, даже при осознании несправедливости и несовершенства мира (*«Для нас Ультима была воплощением добра, а ради того, чтобы защищать добро, стоит рисковать собой. Из тех, кого я в жизни знал, она единственная умела побеждать зло. Ее сострадание к людям, о котором говорил отец, могло преодолевать все преграды...»*).

Тенорио, ослепленному жаждой мести (Ультима произнесла заклинание, чтобы все зло вернулось тем, кто его сотворил, и в семье Трементина действительно погибли друг за другом две дочери, в чем отец обвинил старую Ультиму), все же удается разгадать тайну Ультимы, чья душа оказывается заключенной в Сове, ее вечной спутнице (*«Когда я была маленькой, - прошептала Ультима, - один очень мудрый, очень добрый старик обучил меня моему жизненному ремеслу. Он подарил мне сову и сказал, что эта сова – мой дух, моя связь со временем и с покоем вселенной...»*³⁸) Убив Сову, Тенорио лишает жизни Ультиму (*«Мое ремесло было делать добро, - продолжала она. – Я была призвана излечивать больных ... Но мне нельзя было вторгаться ни в чью судьбу. Вот это и не способны понять те, кто погряз во зле ... Смерть Тенорио и моя смерть положат конец вмешательству в человеческую судьбу, и покой восстановится...»*³⁹). Но по замыслу автора она уже успела передать частичку себя, своего опыта и своей любви к жизни молодому Антонио, который не следует отдельно ни по пути материнских предков, ни по отцовской линии, но заключает в себе оба эти начала, примиряет их и сам примиряется с жизнью – вот каков у Анайи путь юного чикано в мире, путь осмысления исторической памяти и принятия своей двойственной природы.

Проблема выбора, так остро стоящая перед современными писателем мексикано-американцами, не ограничивается внутренней борьбой одного героя, в этом контексте особый интерес для нас представляют образы

38 Анайя Р. С. 313

39 Анайя Р. С. 313

старших братьев Антонио. Эндрю, Леон и Юджин не хотят оставаться в своем городке, их влечет другой мир, сулящий деньги, развлечения и головокружительную карьеру – большие города Америки. Даже в разговорах друг с другом они предпочитают обращения на американский манер, но мать и отец по-прежнему зовут их испанскими именами, продолжая надеяться на их «возвращение». Сначала старшие братья Антонио уходят на войну, но вернувшись не могут найти себе места в маленьком городке детства. Здесь отчетливо прослеживаются мотивы «потерянного поколения», утраты связи с землей, отсутствие четких жизненных ориентиров. Возвращение не приносит молодым юношам удовлетворения и вот однажды они заводят разговор о том, чтобы отправиться на поиски «чего-то большего». Уезжают только двое. Андрес еще год пытается свыкнуться с бессмысленностью своей жизни в Гуадалупе, с рутинной работой в магазине, с дешевыми наслаждениями ... Но и он уезжает следом. Рушатся надежды старых родителей (образ медленно спивающегося отца, который всю жизнь питался мечтой о переезде в южные земли, в Калифорнию, вместе со своими сыновьями), рвется связь с землей – происходит то, что мы вправе назвать культурным «поглощением»: американский образ жизни становится единственно желанным, и молодые мужчины, чье юношество раньше времени отняла война, оказываются в культурном «вакууме».

Автор признает, что подобный сценарий отнюдь не редкость (даже в семье Маресов трое из четырех братьев отказались от своей уникальности ради универсальности), но Рудольфо Анайя не строит пессимистичных прогнозов о судьбе пограничья, для него важна надежда, важен мотив возрождения народной души. Показывая два противоположно направленных процесса: рост самосознания чикано и подъем культуры наряду с непрерывным процессом глобализации, Анайя утверждает свои прочные и непреходящие убеждения: веру в торжество жизни над смертью, памяти над забвением, т. е. выводит литературу чикано на качественно

новый уровень, вплетая ее в контекст общемировой истории.

Принимая во внимание все эти мотивы, мы можем попытаться раскрыть смысл названия романа. На последних страницах книги обнаруживаем следующие слова: *«Благословляю тебя, Антонио, во имя всего что ни есть в мире доброго, животворящего, прекрасного! Желая, чтоб ты всегда был полон жизненной силы. Люби жизнь, но если закрадется к тебе в душу отчаяние, кликни меня тихим вечером, когда чуть веет ветерок, а по холмам перекликаются совы, и я приду к тебе...»*⁴⁰. Последние слова Ультимы действительно композиционно завершают повествование, но они же ответ на душевный порыв самого Антонио: *«Благослови меня, Ультима!..»*⁴¹. Важно, что благословение Ультимы было произнесено не во имя бога, но ради всего лучшего, что есть в мире. Она не была религиозна в каноническом понимании, ее бог не был персонифицирован и строг в своих заповедях, в своем мироощущении Ультима концентрировала многовековую коллективную память своего народа, основанную не на формальном восприятии религии, а на её чувственном понимании, которому чужда внешняя, сменяемая форма веры, но которое неизменно связано с исконной, архетипической созидательной силой.

Сам автор, раскрывая причины обращения к мифологическим элементам в произведении, пишет в статье *The New World Man*: «Каждый может обратиться к своей памяти, исследовать её, и обнаружить символы, говорящие об истории данного человека и об истории целого народа. Именно в этом процессе исследования своей памяти ... я нашел общемировые, архетипические символы, и эти символы несут оттенок культуры коренного населения Америки...»⁴². Это подтверждает и тот факт, что Анайя сознательно использует мифологемы, что сближает его творчество с латиноамериканской литературной традицией. В своей книге

⁴⁰ Анайя Р. С. 314

⁴¹ С. 313

⁴² Anaya Rudolfo. *The New World Man. The Anaya Reader*. N.Y.: Warner books, 1995.

«Латиноамериканский художественный образ мира» А. Ф. Кофман обращает внимание на то, что в большинстве случаев для латиноамериканской литературы формы сознательного обращения к мифу (как к сложившимся константам художественного сознания) оказываются наиболее предпочтительными⁴³.

Завершая анализ тематического и проблемного дискурса романа, стоит обратить внимание, что мифологическое восприятие, хотя и является для писателей чикано важной «формообразующей силой»⁴⁴, но отнюдь не единственной. Оно связывается с современным социально-критическим мышлением и преломляется в творчестве конкретного автора.

Глава 3.

Глобализация. Трансформация культуры. Понятие «трансграничности». Проекция творчества Анайи на современную геополитическую ситуацию.

*«Признайте, что Мексика – это ваш двойник, это тень страны, в которой мы живём, мы все связаны одной нитью».*⁴⁵

В этой главе мы коснемся сложного и во многом неоднозначного процесса глобализации и его влияния на мексикано-американскую культуру. Основная опасность глобализации (с позиции её влияния на культурные границы) заключается в том, что «она в большей мере легитимизирует культурную экстерриториальность, что для национальных культур является тревожной тенденцией, ведущей в перспективе к утрате национальной идентичности»⁴⁶. Пограничье сегодня действительно является зоной «культурного риска», где активные миграционные процессы существенно изменяют культурное и социальное пространство. В то же время, идеи

⁴³ Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Мир, 1972.

⁴⁴ Воронченко Т. В. Синтез культур в историческом развитии Юго-Запада США (на материале мексикано-американской литературы) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. №4 (24), 2010. – с. 120.

⁴⁵ Anzaldua Gloria. Borderlands/ La frontera. The new Mestiza. San Francisco: Spinsters/ Aut Lute, 1987. – с. 15.

⁴⁶ Воронченко Т. В., Сокольских Н. Н. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2012. – с. 187-191.

постколониализма и концепция пограничья подразумевают создание условий для межкультурной коммуникации, развития культурного плюрализма и взаимоуважения этнических традиций. Подтверждение этому мы находим в литературе, когда отдельные мексикано-американские авторы (Р. Анайя, Р. Родригес), писавшие преимущественно на английском языке, входят в число представителей «культурного мейнстрима», как называют и популярную массовую литературу некоторые исследователи⁴⁷.

Существенно изменилось отношение к пограничью только во второй половине XX века. Вторая мировая война и последовавший за ней очередной активный передел мира (освобождение колоний, распад союзных государств) преломили существовавший на протяжении многих веков «европоцентристский» взгляд на пограничье. Если раньше граница воспринималась как «линия, разделяющая первый и третий мир, цивилизацию и варварство, колонию и метрополию»⁴⁸, то после распада мировой колониальной системы в ее традиционном представлении, граница перестала рассматриваться как исключительно разделительная полоса и приобрела более широкий контекст. Пограничье стало восприниматься в новом, позитивном ключе, особенно под влиянием постколониальных критиков (Г. Спивак, Х. Баба и др.), развивавших идеи культурного плюрализма. В эпиграф этой главы вынесена цитата из книги Г. Ансальдуа «Граница. Новая метиска», публикация которой в 1987 подтвердила наличие глобальных тенденций нового пограничья, основанного на «легитимном сосуществовании всех культур в точке их соединения»⁴⁹.

Для культуры чикано последствия глобализации вылились не только в «бурные шестидесятые», ознаменованные ростом национального самосознания, возрождением традиций и распространением испанского

47 Воронченко Т. В., Сокольских Н. Н. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2012. – с. 190.

48 Там же. – с. 188.

49 Там же. – с. 189.

языка на значительных территориях юго-запада США, но и появлением на свет нового поколения, для которого впоследствии вопросы национальной и культурной идентичности будут звучать особенно остро.

Проследить динамику развития мексикано-американской культуры с точки зрения её ценностных ориентиров нетрудно. Первое поколение чикано, отвечая на вопрос о том, что является для них Родиной, давало однозначный ответ – Мексика. Но для их детей, т.е. последующих поколений (и чем дальше, тем существенней) уже сказывались последствия жизни в условиях бикультуризма. «Амбивалентность пограничного сознания отражается в мексикано-американской литературе в метафоре ‘ничейности’, под которой подразумевается невозможность полной самоидентификации ни с американской, ни с мексиканской культурой»⁵⁰ – пишут авторы уже известной нам статьи. Отсюда такая популярность образа «земли обетованной», культивируемого в литературе чикано.

Один из романов Рудольфо Анайи носит название «Сердце Атцлана», в нем автор развивает идею потерянной родины, архетип которой восходит к памяти об исторической родине чикано, их связи с древними ацтеками, населявшими земли современной Мексики и юго-запада США. Этот роман, по мысли автора, призван был объяснить самим мексикано-американцам, «что потеря земли и забвение культуры несет себе ужасные последствия разрушения социальных и семейных связей чикано»⁵¹. Своими произведениями Анайя якобы подводит итог периоду массовых социальных манифестов и протестного движения 60-70 гг. прошлого века (движение сопротивления было вызвано ошибками этнической и культурной политики США предыдущего периода), «обращая взоры чикано к проблеме

50 Воронченко Т. В., Сокольников Н. Н. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2012. – с. 190.

51 Сокольников Н. Н. Американизация Юго-Запада США и культурная ассимиляция мексиканского населения как следствие мирного договора Гвадалупе-Идальго // Вестник Вятского государственного университета. Лингвистика, 2009. - с. 87.

‘возвращения к корням’, а именно реанимации идеи Ацтлана»⁵².

В конце 80-х гг. научные словари уже фиксируют термин «трансграничье», определяя его как «регион, объединяющий приграничные области двух и более государств в условиях тесного многостороннего взаимодействия»⁵³ и как «принципиально новое культурное образование, обозначающее подвижную границу, у которой нет четкой географической локализации»⁵⁴. Ф. Ломели, исследователь мексикано-американского пограничья, интерпретирует это понятие для конкретных территорий юго-запада США, где, по его мнению, трансграничье «распространяется на север и на юг, создавая зоны общих интересов, где глобализация играет важнейшую роль, а нескончаемый поток иммигрантов, стремящихся на север и непрерывный поток корпораций, идущих на юг, вместе создают новый глобальный регион, третью культуру, альтернативный мир всеобщих желаний и надежд»⁵⁵.

Трансграничье отражается не только на условиях жизни мексикано-американцев, но и на умонастроениях людей. В литературе чикано граница становится одной из важнейших культурологических метафор⁵⁶, как определяет ее Александр Ващенко, и отражает многовековую проблему чикано, где граница между Мексикой (шире – всем латиноамериканским миром, усиленная охраняемой стеной по Рио-Гранде) и североамериканской цивилизацией понимается как необходимость выбора: жить по ту или по другую сторону стены. Однако с мифологической точки зрения любая

52 Воронченко Т. В., Сокольских Н. Н. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2012. – с. 87.

53 Розов Н. С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе. Трансграничье в изменяющемся мире: Россия- Китай-Монголия // Материалы международной научно-практической конф. 16-20 окт. г. Чита, 2006. - с. 109 – 113.

54 Воронченко Т. В., Сокольских Н. Н. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2012. – с. 189.

55 Lomeli Francisco A. The Border as a Moving Tortilla Curtain: Media and Chicano Literary Representations // Материалы международной научно-практической конф. 22-24 сент. г. Чита, 2006.

56 Ващенко А. В. Мексикано-американская (чикано) этническая литература на пути к трансграничью // Language. Philology. Culture. 2-3, 2013. – с. 71.

граница - а) сакральна б) амбивалентна. «Амбивалентность границы проявляется в её противоречивой сущности, её консервативной роли ... вспомним миф об основании Вечного города и о том, отчего он закончился братоубийством. Близнецы не смогли договориться, должен город быть закрытым или открытым»⁵⁷, - пишет в своей статье Ващенко, выявляя двойственное значение границы.

Исследователи миграционных процессов⁵⁸ (Теоретические основы исследования миграции населения// Сайт интернет-энциклопедии «Geolike» http://geolike.ru/page/gl_5367.htm Просмотрено: 08.06.2018) часто обращаются к критерию пассионарности⁵⁹ той или иной культуры. Глобальная тенденция «нового переселения народов», объясняемая, в первую очередь, причинами экономическими, подразумевает также исторический (циклический) процесс. Переезжая на новые земли, мигранты действительно формируют культурный облик стран-реципиентов, и в этом ключе порождают споры в отношении политики мультикультуризма. Однако односторонняя критика зачастую не учитывает тот факт, что расширение и трансформация границ процесс настолько же неизбежный, как и развитие человечества с чередованием подъемов и спадов.

Все крупнейшие цивилизации существовали за счет освоения новых земель и культурной интеграции (римляне заимствовали и совершенствовали достижения греческой культуры и т.д.). И говоря о том, что западный мир сегодня обеспокоен «исламизацией Европы» или «латинизацией США», мы напрямую сталкиваемся с внешним проявлением пассионарного толчка, при котором в борьбе за «кормящие ландшафты»

57 Ващенко А. В. Мексикано-американская (чикано) этническая литература на пути к трансконтиненту // Language. Philology. Culture. 2-3, 2013. – с. 71.

58 В 1989 г. Денисенко М. Б., Ионцевым В. А. и Хоревым Б. С. в одноименной работе был введен термин «миграциология» для обозначения науки, изучающей миграционные движения населения, обусловленные социально-экономическими отношениями.

59 Философский подход заложен работами В. И. Вернадского и Л. Н. Гумилева. В основе их концепции пассионарных толчков лежит идея энергетического обмена между человеческим сообществом (этносом) и внешней средой. Избыток биохимической энергии живого вещества порождает эффект пассионарности, направленной как на изменения этноса, так и на изменения внешней среды.

происходит расширение трансграничной зоны. Значимой кажется мысль, высказанная на этот счет в уже знакомой нам работе Воронченко и Сокольских: «Запад, став заложником собственного высокого уровня развития, позволяющего в течение нескольких эпох обеспечивать значительное преимущество перед геополитическими соседями, сегодня демонстрирует тяжелую зависимость от выросшего в послевоенные годы уровня потребления, что стимулирует нежелание развиваться за счет собственных усилий»⁶⁰.

Заключение

Таким образом, проблема культурной интеграции чикано коррелируется с системой глобальных социокультурных процессов. Литература чикано обнажает огромное количество внутренних проблем, но подчеркивает при этом жизнеутверждающее, созидательное начало. Переосмысление своего места в мире и принятие собственной уникальности позволяет чикано активно включаться в межкультурный диалог, успешно представляя свое искусство и на международном уровне. Анализируя другой роман Рудольфо Анайи («Рэнди Лопес идёт домой»), Александр Ващенко так интерпретирует его сюжет: «...вместо барьера (обозначенного рекой, образом весьма символичным) герою предстоит выстроить реальный (и символический) мост через реку (что следует понимать как культурную границу Рио-Гранде, а можно понимать и как сегрегационную, историческую границу), во имя общекультурного единения. Главной метафорой времени становится межкультурный, трансграничный мост к человечеству, а не стена, замыкающая в себе культурное гетто...». Ту же самую идею культурного «моста» мы обнаруживаем и в романе «Благослови, Ультима!». Перед героем чикано открывается целый мир, в который он готов перейти, сохранив при этом свою культурную идентичность. Строить стены или мосты – вопрос, вызывающий на

⁶⁰ Воронченко Т. В., Сокольских Н. Н. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2012. – с. 190.

сегодняшний день особенно острые дискуссии в западном мире, страдающем от нескончаемых миграционных потоков. Однако важно понимать, что только на основе взаимоуважения культур есть шансы преодолеть социокультурную пропасть, о чем нередко забывают обе стороны конфликта.

Список использованной литературы и электронных ресурсов:

1. Анайя Р. Благослови, Ультима!: Роман: Пер. с англ. М.: Гудьял-Пресс, 2000. 320 с.
2. Ващенко А. В. Мексикано-американская (чикано) этническая литература на пути к трансграничью // Language. Philology. Culture. 2-3, 2013.
3. Воронченко Т. В. Синтез культур в историческом развитии Юго-Запада США (на материале мексикано-американской литературы) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. №4 (24), 2010.
4. Воронченко Т. В., Сокольских Н. Н. Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология, 2012.
5. Дзибель Г. В. Мексиканоамериканцы. Большая Российская Энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2202098>
6. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов, 2006. [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/16474
7. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Мир, 1972.
8. Плотников С. В. Мифологическое мироощущение как сфера создания культурного объекта (тетралогия о Сонни Бака Р. А. Анайи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2007.
9. Розов Н. С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе. Трансграничье в изменяющемся мире: Россия- Китай- Монголия // Материалы международной научно-практической конф. 16-20 окт. г. Чита, 2006.
10. Сокольских Н. Н. Американизация Юго-Запада США и культурная ассимиляция мексиканского населения как следствие мирного договора Гвадалупе-Идальго // Вестник Вятского государственного университета.

Лингвистика, 2009.

11. Теоретические основы исследования миграции населения. [Электронный ресурс] URL: http://geolike.ru/page/gl_5367.htm Anaya Rudolfo. The New World Man. The Anaya Reader. N.Y.: Warner books, 1995.
12. Anzaldua Gloria. Borderlands/ La frontera. The new Mestiza. San Francisco: Spinsters/ Aut Lute, 1987.
13. Lomeli Francisco A. The Border as a Moving Tortilla Curtain: Media and Chicano Literary Representations // Материалы международной научно-практической конф. 22-24 сент. г. Чита, 2006.
14. Ramirez Pablo. Aztlan and the Politics of Storytelling in Anaya's Heart of Aztlan and Arias's The Road to Tamazunchale: Journal of American Study of Turkey /Ed. Maria Herrera-Sobek. Ege University Printing.